

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-14-19

О СУБЪЕКТЕ ПРИ ИНФИНИТИВЕ С ЧАСТИЦЕЙ *БЫ* В СТАРОРУССКОМ И СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Наталья Иордани

ON THE SUBJECT OF THE SUBJUNCTIVE INFINITIVE IN MIDDLE RUSSIAN AND MODERN RUSSIAN

Natalia Iordani

The article explores the subject valency filling of the subjunctive infinitive in Middle Russian and Modern Russian. Our research is based on the handwritten collections of *zagovory* dated the 17th and 18th centuries and the materials from the National Corpus of the Russian Language. Usually, both in the modern Russian language and in the Middle Russian period, the subjunctive infinitive was used with agent subjects, referring to creatures with will and consciences. This kind of restriction can be overcome only through personification, as a result of which the non-agent subject is reinterpreted as an agentive one.

The restriction on the compatibility of the subjunctive infinitive with non-agent subjects follows from its grammatical semantics: in the Middle Russian language, this verb form expressed an imperative meaning that could be realized if the subject of the action had will and consciousness and was able to control the situation. Over time, the subjunctive infinitive has lost its imperative semantics and in Modern Russian is used in contexts with evaluative meanings. Its usage only with agentive subjects has been preserved as a result of the lost imperative semantics.

Keywords: grammatical semantics, subjunctive infinitive, imperative, dative subject, agency

В статье рассматриваются особенности заполнения субъектной валентности при инфинитиве с частицей *бы* в старорусском и современном русском языках. В качестве материала для исследования были использованы данные Национального корпуса русского языка и рукописные сборники заговоров XVII–XVIII вв. Как в современном русском языке, так и в старорусский период инфинитив с частицей *бы* сочетается только с агентивными субъектами – лексемами, имеющими референцию к существам, наделенным волей и сознанием. Такого рода запрет может быть преодолен только посредством персонификации, в результате которой неагентивный субъект переосмысливается как агентивный.

Ограничение на сочетаемость инфинитива с частицей *бы* с неагентивными субъектами вытекает из его грамматической семантики: в старорусском языке эта глагольная форма выражала побудительное значение, которое может реализоваться, если субъект действия обладает волей и сознанием и способен контролировать ситуацию. С течением времени инфинитив с частицей *бы* утратил императивную семантику и в современном русском языке закрепился за контекстами с оценочным значением. Способность выступать только с агентивными субъектами, характерная для этой глагольной формы в старорусский период, сохранилась как память об утраченной императивной семантике.

Ключевые слова: грамматическая семантика, сослагательный инфинитив, императив, дативный субъект, агентивность

Для цитирования: Иордани Н.П. О субъекте при инфинитиве с частицей *бы* в старорусском и современном русском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №1 (71). С. 14–19. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-71-1-14-19

1. Современный русский язык

Инфинитив с частицей *бы*, или сослагательный инфинитив (как эта языковая единица именуется в «Корпусной грамматике русского языка» [1, с. 17]), в современном русском языке занимает периферийное положение, употребляясь значи-

тельно реже, чем сослагательное наклонение (6 % (56 примеров) против 90 % (831 пример)) [2, с. 92]. Выражает эта глагольная форма оценочные значения, которые можно конкретизировать как *желательность* и *необходимость*, хотя в некоторых контекстах различия между ними могут ней-

трализоваться [Там же, с. 46]. Приведем некоторые примеры, которые можно обнаружить в Национальном корпусе русского языка:

(1) *«Тебе бы поехать куда-нибудь», – вздохнул он, дотрагиваясь до её затылка* (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)) [3] (здесь и далее разрядка наша – Н. И.);

(2) *Он всё беспокоится о моём здоровье, а ему бы о своём подумать* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)) [Там же].

Оценка, выражаемая инфинитивом с частицей *бы*, может исходить как от говорящего, так и от самого субъекта действия. Как показали исследования Ю. П. Князева, определяется это порядком слов. В случае, если форма Д. п. стоит перед частицей *бы*, ситуация может рассматриваться как желательная или необходимая как со стороны говорящего, так и самого субъекта действия. Обратимся к примерам, рассмотренным Ю. П. Князевым:

(3) *Ей бы покаяться матери: виновата, а она молчит* (И. Грекова. Перелом (1987)) [4, с. 144].

Однако в контекстах, где датив «линейно следует за частицей *бы*, субъектом оценки является говорящий» [Там же, с. 140]:

(4) – *Выпить бы ему, товарищ капитан, перед этим, – осторожно вмешался Толик, чуть побледневший и наглость свою малость утративший* (Вячеслав Кондратьев. Сашка (1979)) [Там же].

Формы сослагательного наклонения, которые также могут выражать оценочное значение, устроены таким же образом: привязка оценки субъекту в И. п. возникает тогда, когда субъект предшествует частице *бы*:

(5) *Ты бы посидел ещё полчаса на всякий случай* (Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)) [Там же, с. 153].

В противном случае – при инверсии частицы *бы* и субъекта – оценка исходит только от говорящего.

Однако при всем своем сходстве между формами сослагательного наклонения и инфинитива с частицей *бы* существует важное различие: сослагательный инфинитив не способен присоединять неагентивные субъекты. Сослагательное наклонение, в свою очередь, не имеет каких бы то ни было ограничений на сочетаемость. Так, например, контекст, приведенный в примере (6), является абсолютно корректным с точки зрения языковой системы, в отличие от (7):

(6) *Расцвела бы скорей листва золотая* (Шуан Аноре. Расцвела бы скорей листва золотая (2015)) [5];

(7) **Расцвести бы листве золотой!*

Возникает вопрос: что является причиной ограничения в выборе субъекта, присущего инфинитиву с частицей *бы*? Возможно, ответ можно найти, обратившись к истории этой языковой единицы.

2. Старорусский язык

Инфинитив с частицей *бы* широко представлен в старорусских деловых и бытовых документах XVI–XVII вв. наряду с другими глагольными формами со значением ирреальности. По своему происхождению он является модификацией конструкции с независимым инфинитивом: в состав сказуемых, оформленных сослагательным наклонением от глагола *быти*, могли включаться инфинитивы, прилагательные и другие единицы, а *л*-причастие *было* опускалось как избыточное. В таком случае частица *бы* становилась единственным показателем ирреальности [6, с. 22].

Как показывает анализ текстов XVI–XVII вв., инфинитив с частицей *бы* способен выражать два значения: не только оценочное, как в современном русском языке, но и побудительное [7, с. 352].

Противопоставление побудительного и оценочного значений строится вокруг такого параметра, как контроль над ситуацией. В случае с императивом этот признак проявляется двояко: с одной стороны, ситуация должна находиться под контролем исполнителя, с другой – сам говорящий должен иметь какое-то влияние на субъект действия, чтобы оно могло воплотиться в действительности [8, с. 20]. М. Б. Бергельсон называет контроль первого типа пропозициональным, а второй – коммуникативным [9, с. 15].

Подавляющее число контекстов с инфинитивом с частицей *бы* в деловых и бытовых документах XVI–XVII вв. составляют императивные употребления:

(8) *А взять бы тебе, Василей, с собою старосту и крестьян, которые знают, где чистить мои сенные покосы. А от большой бы вам дороги перелеску о с т а в и т ь, чтобы было сенных покосов не видеть* (Память Б. И. Морозова приказчику В. Гнездову и К. Нагаеву (1652)) [3].

Пример (8) представляет собой выдержку из памяти – делового документа, содержащего распоряжения от вышестоящего лица – боярина Б. И. Морозова – подчиненным – приказчикам одного из его поместий. По этой причине можно с уверенностью определить значение, которое развивает инфинитив с частицей *бы* в этом контексте, как императивное.

Контексты, в которых *бы* было представлено оценочное значение, оказываются весьма редки. Приведем один из примеров:

(9) *А другое, господине, то слыши: житье еси прожил все в мирьской суете, ино, господине, хотя бы старость ту отдати бы богу, попеци бы ся о своей души, и поскорбети бы о гресех* (Формулярный извод послания некоего старца его мирскому духовному сыну (1470–1530)) [Там же].

Низкая частотность такого рода употреблений, на наш взгляд, объясняется тем, что деловые и бытовые документы посвящены решению насущных проблем, поэтому в силу своей прагматики они ориентированы на выражение спектра побудительных значений. Оценочное значение, которое возникает при отсутствии контроля пишущего над адресатом, видимо, плохо сочеталось с коммуникативной установкой такого рода текстов. Так, например, контекст (9), был обнаружен в источнике, написанном гибридным языком. Этот текст посвящен вопросам о спасении души – более абстрактной проблематике, чем деловые и бытовые документы, поэтому оценочное значение в нем успешно реализуется.

Выступая в побудительном значении, сослагательный инфинитив в ряде контекстов ведет себя как семантический и функциональный дублет по отношению к формам повелительного и сослагательного наклонений и инфинитива, выступающего без частицы *бы*.

Особый интерес в рамках исследования функционирования сослагательного инфинитива представляет вопрос о способе заполнения субъектной валентности при нем, о чем было сказано выше. Дело в том, что в роли субъекта в данном случае могут выступать разные языковые единицы, выбор которых зависит от такого параметра, как агентивность.

В данной статье мы будем рассматривать агентивность как совокупность свойств, присущих субъекту действия. Например, В. А. Плунгян определяет агенс следующим образом: «Агенс: активный, обычно наделенный волей и сознанием участник ситуации, расходующий собственную энергию в процессе деятельности и контролирующий ход событий (*солдат бежит, старик разжег костер, сестра сказала сказку*)» [10, с. 161–162].

Ю. П. Князев предлагает рассматривать агентивность как признак, который может проявляться с разной степенью интенсивности: такое оказывается возможным, поскольку в некоторых контекстах агенс может терять ряд своих свойств [11, с. 147].

Признаки, свойственные агенсу, могут быть разделены между различными участниками ситуации: в таком случае можно говорить о неполной агентивности. Одним из примеров неполной

агентивности можно считать интересующие нас в рамках данной статьи императивные конструкции. Дело в том, что говорящий, употребляя императив, пытается каузировать совершение некоторого действия, которое эксплицитно указано в высказывании [8, с. 16]. Следовательно, императив обозначает две ситуации одновременно: с одной стороны, акт произнесения побудительного высказывания, с другой – само каузированное им действие. Получается, что субъект речевого акта приобретает часть свойств агенса, несмотря на то, что действие он не совершает, в то время как субъект действия, каузированного императивом, «выполняя это действие, фактически подчиняется чужой воле, причем делает то, что при нормальном развитии событий сам бы делать не стал» [11, с. 148].

Семантика языковой единицы, выступающей в роли субъекта действия в императивной конструкции, также определенным образом влияет на агентивность. По этой причине исследователи [8, с. 10], [12, с. 65] предлагают использовать так называемую иерархию агентивности: в таком случае в императивных конструкциях «верховный» контроль принадлежит говорящему, который подчиняет своей воле адресата высказывания. Следующую ступень занимает субъект действия – слушающий, который, «обладает полным контролем над действием, включая всех, кто этим действием может быть затронут», поскольку невозможно каузировать ситуацию, находящуюся за пределами сферы влияния адресата императива [8, с. 173].

Субъект действия, на которого направлено побуждение, может стоять как во 2-м, так и 3-м лице, что определенным образом влияет на агентивность: субъект во 2-м лице характеризуется большей степенью агентивности, чем 3-е лицо, которое подразумевает опосредованную каузацию [Там же].

Существительные, обозначающие животных, предметы, вещества и др., занимают самое низкое положение в иерархии одушевленности [12, с. 65]. Очевидно, что лексемы, имеющие референцию к явлениям неживой природы, являются неагентивными субъектами, поскольку они не способны быть активными участниками ситуации и контролировать ее в силу отсутствия сознания и мышления. Животные, несмотря на то что они могут быть активными участниками ситуации и контролировать ее, приобретая ряд свойств агенса, не обладают волей и сознанием в той же мере, что и человек.

Если в норме в роли субъекта при форме с императивным значением выступает человек или существо, обладающее сходными когнитивными

способностями, то лексемы, занимающие низшее положение в иерархии агентивности, могут употребляться в таких контекстах только при возникновении персонификации: в случае, если сам говорящий наделяет их свойствами, присущими человеку, – волей и сознанием.

Возникают такого рода употребления в заговорах, достаточно широко представленных в старорусской рукописной традиции XVII–XVIII вв., поскольку в отличие от текстов других жанров, которые, как правило, регламентируют отношения между людьми, в этих текстах важное место занимает предметный мир. Например, на Руси были широко распространены воинские заговоры, где человек обращался к вражескому оружию, чтобы оградить себя от опасности:

(10) *Ои вы есте мои дѣти стрѣльные желѣзца и свинчатые пулки... не ходите вы на того раба бж҃ія, имѣк, к тѣлу его вострие^м не ходите и не падаите тѣла его не вредите* [13, л. 44];

(11) *ои еста мои дѣти стрѣ^лные желе^зца не хо^дте вы на то^го раба бж҃ія имѣ^к, о стрела его не о^кровавите и дѣи его не о^ско^ббите воротите^с вы желе^зца острее^мъ на старо^го дря* [14, л. 16–16 об.].

Сходным образом в старорусском языке мог употребляться и сослагательный инфинитив, если агентивность субъекта повышалась за счет контекста. Употребления, где субъектная валентность заполняется лексемами, имеющими референцию к животным, встречаются в охотничьих и пастушеских заговорах:

(12) *Тако тому же нетопырю не срыскивати по белому свету, так бы черному ворону и воронице, сорокам и воронам по моим лоушкам, р(аба) Б(ожия) и(мярек), по пленицам не рыскивати черному ворону и воронице, и сорокам, и воронам, летучим птицам не хаживати и добытка моего не ясти* [15, л. 3];

(13) *У того ж нетопыря не бывать глазам, по сему белому свету не хаживать, так бы не видати черному летучему ворону и воронице, воронам и сорокам, летучим птицам не хаживати по моему ухажью, р(аба) Б(ожия) и(мярек)* [Там же, л. 3 об.].

Можно было бы предположить, что выбор инфинитива с частицей *бы* в качестве способа оформления предиката в примерах (12) и (13) мог быть обусловлен употреблением инфинитива в первой части сложного предложения. Однако есть контексты, где первый предикат оформляется личной формой глагола, что исключает такую возможность:

(14) *Как сей камен(ь) не двинется с места сег(о), так бы лошади от меня проч(ь) не отходит(ь) век* [16, с. 114].

В заговорах от вражеского оружия влияние оказывается на предметы, которые могут нанести увечья человеку, произносящему магический текст:

(15) *Как так мыталю¹ прямо лететь не может, скоро и тяжело упасти, так бы на меня, раба Божия имрока, стрелам бы и пиццлем, и ядрам из саналов, из пушак и из ручных прямо летети* [16, с. 436];

(16) *Как роженица дитя тименем не разраживат, так бы вам, стрелам и пулкам, не выхаживать, и пушечным ядрам, всякому ратному орюжию не разраживатца, и себя не выпускать ко мне, рабу Божию, и к моим таварищам к пяти стам трицетми чело^векам* [17, л. 23 об.].

Получается, как в старорусском языке, так и в современный период формы с императивным значением в норме сочетаются только с субъектами, занимающими высокое положение в иерархии агентивности. Случаи, когда эту позицию занимают лексемы, имеющие референцию к субъектам, волей и сознанием не обладающим, являются последствиями персонификации, в результате которой неагентивный субъект переосмысливается как агентивный.

3. О причинах ограничения на сочетаемость инфинитива с частицей *бы* с неагентивными субъектами в современном русском языке

Как было описано выше, в старорусский период инфинитив с частицей *бы* мог выражать побудительное значение, как и форма императива. Побудительная семантика влияла на сочетаемость глагольной формы: субъектную валентность могла заполнять только единица, занимающая высокое положение в иерархии агентивности.

В процессе исторического развития русского языка инфинитив с частицей *бы* утратил побудительное значение, перестав обозначать контролируемые ситуации. Однако ограничение на сочетаемость с неагентивными субъектами у этой глагольной формы сохранилось, вероятно, как память о былой императивной семантике. Именно по этой причине контексты, аналогичные (18), кажутся неестественными:

¹ Комментарий А. Л. Топоркова: «Текст испорчен. Вероятно, в протографе было примерно следующее: «Как мотыль прямо лететь не может, скоро и тяжело упадет, так бы на меня, раба Божия <...> стрелам бы не лететь» [16, с. 563]

(17) *Кончилась бы поскорее эта ночь с невеселыми мыслями...* (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)) [3];

(18) **Кончиться бы поскорее этой ночи с невеселыми мыслями...*

Сочетание инфинитива с частицей *бы* с субъектами, характеризующимися низкой степенью агентивности, возможны только в результате персонификации, благодаря которой они наделяются качествами, свойственными человеку. В Национальном корпусе русского языка можно обнаружить несколько подобных примеров:

(19) *Вот тут бы собакам и сделать вывод, что человек не друг ей, а самый что ни на есть смертельный враг* (Юрий Кашкин. Человек – друг собаки?..(2014)) [Там же];

(20) *Осине бы заскрипеть, задрожать, закачаться, замахать ветками, осыпаясь густым мокрым снегом, предупредая, умоляя Анну побережиться да отвадить от себя глупенького красавчика* (Анатолий Азольский. Монахи (2000)) [Там же].

Персонификации регулярно встречаются и в случае с формами императива:

(21) *Вы растите, цветы полевые, украшайте поля и леса* (Яна Воронец. Полевые цветы (2016)) [18];

(22) *Лейся, песня, на просторе, не скучай, не плачь, жена* (Андрей Апсолов. Лейся, песня, на просторе (1936)) [19].

Следовательно, ограничение на сочетаемость инфинитива с частицей *бы* с неагентивными субъектами возникло еще в старорусский период: такого запрета требовала императивная семантика, характерная для этой глагольной формы в XVI–XVIII вв. С течением времени сослагательный инфинитив утратил побудительное значение, но сохранил тяготение к субъектам с высокой степенью агентивности.

Список источников

1. Падучева Е. В. Конструкция с независимым инфинитивом. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2017. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Добрушина Н. Р. Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии: дис. ... д-ра филол. наук: Москва, 2016. 425 с.
3. Национальный корпус русского языка. 2003–2022. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.12.2022).
4. Князев М. Ю. О взаимодействии порядка слов и семантики в инфинитивной конструкции с частицей *бы* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Русский язык:

грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб.: Наука, 2014. С. 140–154.

5. Шуан А. Расцвела бы скорей листва золотая. URL: <https://stihi.ru/2015/04/07/2429> (дата обращения: 20.12.2022).

6. Пичхадзе А. А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания, 2010, № 5. С. 14–24.

7. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев: Рядянська школа, 1958. 488 с.

8. Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2005. 297 с.

9. Бергельсон М. Б. Проблема контроля в побудительных высказываниях // Бирюлин Л. А., Храковский В. С. (ред.). Функционально-типологические аспекты анализа императива. Т. II. Л.: Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания, 1990. С. 13–18.

10. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.

11. Князев Ю. П. Агентивность как шкала градаций // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности, Вып. 14. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. С. 146–156.

12. Бонч-Осмоловская А. А. Конструкции с дативным субъектом в русском языке: опыт корпусного исследования: дис. ... канд. филол. наук: Москва, 2003. 324 с.

13. Заговоры для идущих в бой, XVIII в. Российская государственная библиотека, Фонд 299, № 70. 66 л.

14. Сборник заговоров, сер. XVII в. Российская государственная библиотека, Фонд 122, № 32. 149 л.

15. Сборник заговоров и молитв, втор. пол. XVIII в. Российская государственная библиотека, Фонд 199, № 358.1. 11 л.

16. Русские заговоры из рукописных источников XVII–первой половины XIX в. Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 832 с.

17. Сборник Травников и заговоров, XVIII в. Государственный исторический музей, Собрание рукописей Е. В. Барсова, № 2257. 40 л.

18. Воронец Я. Полевые цветы. Стихи. URL: <https://proza.ru/2016/08/30/17> (дата обращения: 20.12.2022).

19. Апсолов А. Лейся, песня, на просторе. URL: <https://clck.ru/334mq7> (дата обращения: 20.12.2022).

References

1. Paducheva, E. V. (2017). *Konstruktsiya s nezavisimym infinitivom. Materialy dlya projekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki. Na pravakh rukopisi* [A Construction with an Independent Infinitive. Materials for the Project of of the Russian Grammar Corpus Description]. Moscow, 17 p. URL: <http://rusgram.ru> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)

2. Dobrushina, N. R. (2016). *Semantika kosvennogo nakloneniya: korpusnoe issledovanie grammaticheskoy polisemii: dis. ... d-ra. filol. nauk* [The Semantics of the Indirect Mood: A Corpus Study of Grammatical Polysemy: Doctoral Thesis]. Moscow, 425 p. (In Russian)
3. *The Russian National Corpus*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
4. Knyazev, M. Yu. (2014). *O vzaimodeistvii poryadka slov i semantiki v infinitivnoi konstruktsii s chastiitsei by* [On the Interaction of Word Order and Semantics in an Infinitive Construction with the Particle By]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Russkii yazyk: grammatika konstruktsii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Vol. X, part 2, pp. 140–154. St. Petersburg. (In Russian)
5. Shuan, A. *Rastsveta by skorei listva zolotaya* [If Only Golden Foliage Bloomed Soon]. URL: <https://stihi.ru/2015/04/07/2429> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
6. Pichkhadze, A. A. (2010). *Sredstva vyrazheniya imperativnoi i optativnoi semantiki v drevnerusskikh i starorusskikh preskriptivnykh pamyatnikakh* [Means of Expressing Imperative and Optative Semantics in Ancient Russian and Old Russian Prescriptive Texts]. *Voprosy yazykoznaniiya*. No 5. pp. 14–24, Moscow, Nauka. (In Russian)
7. Bulahovskii, L. A. (1958). *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical Commentary on the Russian Literary Language]. 488 p. Kiev, Ryadyans'ka shkola. (In Russian)
8. Gusev, V. Yu. (2005). *Tipologiya spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa: dis. na soiskanie uchenoi stepeni kand. filol. nauk* [Typology of Specialized Verbal Imperative Forms: Ph.D. Thesis]. Moscow, 297 p. (In Russian)
9. Bergel'son, M. B. (1990). *Problema kontrolya v pobuditel'nykh vyskazyvaniyakh* [The Problem of Control in Imperative Statements]. L. A. Biryulin, V. S. Khrakovskii (red.). *Funktsional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa*. T. II, pp. 13–18. Leningrad, Leningr. otd-nie in-ta yazykoznaniiya. (In Russian)
10. Plungyan, V. A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znachenie i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the Languages of the World]. 672 p. Moscow, Rossiyskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. (In Russian)
11. Knyazev, Yu. P. (2016). *Agentivnost' kak shkala gradatsii* [Agentivity as a Scale of Gradations]. *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*. No 14, pp. 146–156. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russian)
12. Bonch-Osmolovskaya, A. A. (2003). *Konstruktsii s dativnym sub'ektom v russkom yazyke: opyt korpusnogo issledovaniya. Rukopis' dissertatsii* [Constructions with a Dative Subject in Russian: Corpora-Based Research: Ph.D. Thesis, a Manuscript]. Moscow, 324 p. (In Russian)
13. *Zagovory dlya idushchikh v boi* [Zagovory for Those Going to Battle]. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Fond 299, No 70, XVIII vek. 66 p. (In Russian)
14. *Sbornik zagovorov* [A Collection of Zagovory]. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Fond 122, No 70, XVII vek. 149 p. (In Russian)
15. *Sbornik zagovorov i molitv* [A Collection of Zagovory and Prayers]. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Fond 199, No 358.1, XVIII vek. 11 p. (In Russian)
16. Toporkov, A. L. (2010). *Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII–pervoi poloviny XIX* [Russian Zagovory from Handwritten Sources of the 17th – Early 19th Centuries]. 832 p. Moscow, Indrik. (In Russian)
17. *Sbornik travnikov i zagovorov* [A Collection of Travniki and Zagovory]. Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. Sobraniye rukopisei Ye. V. Barsova. No 2257, XVIII vek. 40 p. (In Russian)
18. Voronets, Ya. *Polevye tsvety. Stikhi*. [Wildflowers. Poems]. URL: <https://proza.ru/2016/08/30/17> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
19. Apsolon, A. *Leisya, pesnya, na prostore*. [Flow, Song, in the Open]. URL: <https://clck.ru/334mq7> (accessed: 20.12.2022). (In Russian)

The article was submitted on 03.01.2023
Поступила в редакцию 03.01.2023

Иордани Наталья Павловна,
аспирант,
Московской государственной университет,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1;
младший научный сотрудник,
Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН,
119019, Россия, Москва,
Волхонка, 18/2.
iordani.natasha@yandex.ru

Iordani Natalia Pavlovna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation;
Junior Researcher,
The V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volhonka Str.,
Moscow, 119019, Russian Federation.
iordani.natasha@yandex.ru